
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 930.1
ББК 63.1(2)6-82

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

«ТОЧКА НЕВОЗВРАТА»: НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1960 г. В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ В.Н. ШЕРСТОБОЕВА

Малозначимое, на первый взгляд, событие в биографии В.Н. Шерстобоева — его участие в научной конференции 1960-го года — благодаря методологии ситуативной историографии обретает значение «переломного», становится «точкой невозврата» на интеллектуальной траектории ученого.

Ключевые слова: ситуативная историография, В.Н. Шерстобоев, научная конференция 1960 г. по истории Сибири и Дальнего Востока.

D. YA. MAIDACHEVSKY

«POINT OF NON-RETURN»: SCIENTIFIC CONFERENCE 1960 IN SHERSTOBOEV'S INTELLECTUAL BIOGRAPHY

Insignificant, *prima facie*, event in Sherstoboev's biography — his participation in scientific conference of 1960 — owing to a methodology of situational historiography find significance of «critical moment» becomes «a point of a non-return» on an intellectual trajectory of the scientist.

Keywords: situational historiography, V.N. Sherstoboev, scientific conference 1960 on history of Siberia and the Far East.

Методологией историографического исследования, содержащей богатый эвристический потенциал изучения истории местных научных практик, является ситуативный анализ. Как полагают специалисты в области теоретической историографии, в его рамках то или иное событие в истории науки превращается в «некий фокус, средоточие всех проблем историко-научного анализа», которые «перестают быть отдельными самостоятельными предметами изучения, а оказываются сторонами одного события, приобретают эвристическую силу для понимания самих этих событий» [10, с. 345].

Ситуативная историография трансформирует, в частности, понятие контекстуальности науки, рассматривая совокупность как когнитивных,

так и социальных признаков, характеризующих событие как эпицентр исследовательских интересов историка науки. Преодолевает она и презентизм традиционных историко-научных реконструкций, для которых интерес в прошлом представляют лишь те элементы научного знания, что присутствуют в современном его состоянии. Меняет и представление о дисконтинуальности историко-научных построений: «казусы» в истории науки превращаются в своеобразную воронку, втягивающую в себя «и предшествующие события, и последующие, хотя предмет изучения характеризует настоящее, “теперь”, пусть даже это “теперь” и относится хронологически к прошлым векам» [11, с. 425].

Реализуя преимущество ситуативного подхода, рассмотрим в его свете рядовое на первый взгляд событие в научной жизни В.Н. Шерстобоева — участие в Научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, организованной Отделением исторических наук и Сибирским отделением АН СССР, а также Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР. В конференции, заметим, масштабной, хотя и не носившей статуса всесоюзной, но ставшей таковой на деле. Проходившая в трех сибирских городах — 10–11 марта в Новосибирске состоялось ее пленарное заседание, секции истории и этнографии Сибири советского и дооктябрьского периодов работали соответственно в Томске (14–18 марта) и в Иркутске (15–19 марта), она привлекла к участию помимо сибирских историков ученых из Москвы и Ленинграда¹. Являясь показателем меняющегося политико-идеологического климата в стране, конференция без сомнения открыла новую эпоху не только в исторической науке о Сибири, но и в сибирской исторической науке.

С конференцией, думается, были связаны немалые ожидания и не одних лишь ее организаторов, подводивших итоги исторического, археологического, этнографического изучения Сибири и строивших планы — касавшиеся, прежде всего, форм организации научной деятельности — на будущее, но и отдельных ее участников, пытавшихся найти в этих планах место и для своих замыслов. Предстоящий форум породил надежды и у нашего героя, интеллектуальная жизнь которого на протяжении второй половины 1950-х гг. проходила под знаком поиска возможностей для продолжения своих занятий аграрной и шире — хозяйствен-

---

¹ Современные историки науки нередко именуют конференцию «первой Всесибирской конференцией историков», что верно лишь с точки зрения широкого представительства в ней сибирских ученых, поскольку тон в ней задавали все же «столичные» ученые, которые впоследствии станут во главе сибирской исторической науки и предпринятого ею проекта создания и издания пятитомной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней». Столь же ошибочна, если не сознательно искажена, приводимая последовательность заседаний конференции Иркутск — Томск — Новосибирск, призванная, очевидно, продемонстрировать движение инициативы из сибирской научной провинции к ее научной столице, хотя на деле организация работы конференции подчинялась принципу, хотя и демократического, но централизма [8, с. 56].

ной историей, приведения научной работы, которой он вынужден был заниматься, в соответствие с научными интересами, сложившимися в процессе работы над «Илимской пашней».

Сегодня трудно однозначно ответить на вопрос: следствием каких причин стало сотрудничество В.Н. Шерстобоева с отделом экономики и географии Восточно-Сибирского филиала АН СССР, да и само обращение к экономической географии, проблемам сельскохозяйственного районирования, которым, фактически, и были отданы пять этих лет. Было ли это попыткой уйти от решения кафедрой экономики сельского хозяйства, которую он возглавлял, сиюминутных задач оказания «помощи колхозному строительству», «укрепления связей с колхозами, совхозами и МТС Иркутской области», к чему подталкивало руководство вуза и без устали напоминали «вышестоящие инстанции». Или, напротив, результатом указания «сверху», тем более что создание «творческого коллектива» по осуществлению сельскохозяйственного районирования Иркутской области, членом которого он стал, явилось результатом исполнения постановления партии и правительства, обязавшего местные плановые комиссии сосредоточить внимание на правильном размещении сельскохозяйственных производств, увязав разработку перспективных планов развития отрасли с экономическим и природным районированием.

Как бы то ни было, возложение на себя и возглавляемый научный коллектив ответственной задачи выявления особенностей и закономерностей развития сельского хозяйства как основы последующего установления объективно существующих и складывающихся зон сельскохозяйственной специализации, стало более чем удачным ходом В.Н. Шерстобоева — организатора науки. Решая проблемы научной работы кафедры, снимая постоянно стоявший на повестке дня вопрос о ее актуальности, решая проблемы с обеспеченностью «диссертабельными» темами учеников и публикацией их работ [1; 5; 15], данный ход, однако, ни на йоту не приближал самого Шерстобоева к заветной цели продолжения занятий хозяйственной историей. Его работы этих лет представляют собой, по сути, либо научные отчеты, информирующие о проделанной работе по сельскохозяйственному районированию [16; 20; 23; 25], либо весьма лаконичные сообщения, посвященные современному периоду истории сельского хозяйства северного Предбайкалья, характерной чертой которого стала радикальная перестройка последнего в результате интенсивного гидро- и градостроительства в зоне сплошной тайги [17; 22; 24]¹.

---

¹ Стоит, справедливости ради, заметить, что публикации эти поднимали крайне важный вопрос об актуальности скорейшего проведения исследований природных и экономических условий таежных районов, где предстояло практически полностью исчезнуть «старинному земледелию», что делало неизбежным, вследствие быстрого нарастания численности населения и потребности в сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственное освоение таежных междуречий.

Именно в рассматриваемый период интеллектуальной биографии, казалось бы, до предела насыщенный текущими работами, В.Н. Шерстобоева не покидала мысль о том, что их рутина отвлекает не только от занятий экономической историей, но и от научных занятий в целом. Описательный характер экономико-географических работ, подобно фотохронике фиксирующих состояние территорий в конкретный момент их истории¹, не устраивал ученого, по-видимому, точно так же, как и описательность местной исторической науки, ограничивавшейся простой, хотя и методически упорядоченной, «каталогизацией» фактов. Экономическая география остро нуждалась в прививке «истории», позволявшей проследить становление тех или иных экономических районов, и тем самым — не стать заложницей географического детерминизма, оправдывающего любое насилие над исторически сложившейся их хозяйст-венной специализацией.

Экономическая география не привлекла ученого не только своим содержанием, но и на глазах происходящим укреплением академических позиций географической науки в Иркутске — уже принятым решением о создании в городе Института географии СО АН СССР, в состав которого вскоре войдет и отдел экономики и географии ВСФ АН СССР, положив начало секторам размещения производства и экономического районирования, а также региональной географии. В.Н. Шерстобоев примет участие в Первом научном совещании географов Сибири и Дальнего Востока (с докладом «Изменения в географии сельского хозяйства Братско-Тайшетского промышленного узла»), станет даже членом Ученого совета института, но не покинет ради столь ценных им академических свобод, этих самых свобод не предоставлявшего финансово-экономического института.

«Мои научные интересы не вполне совпадают с моей научной работой в Иркутске» — именно в эти годы сетовал Шерстобоев в письме к сотруднику Сибирского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства в Омске. Успех его доклада «Об опыте исследования истории сибирского земледелия» на научной сессии этой организации (Омск, 1954 г.), породил надежду, оказавшуюся, впрочем, призрачной, продолжить в ней свои научные занятия. Ученый не просто выражал готовность стать сотрудником института, но оговаривал тему своей будущей работы — история сельского хозяйства Сибири, которая, как не трудно догадаться, была далека от целей и задач, стоящих перед этой, живущей настоящим, ведомственной институцией.

Другим проявлением неудовлетворенности В.Н. Шерстобоева своими научными занятиями тех лет, равно и попыткой найти выход из создавше-

---

¹ Достаточно взять любую из экономико-географических работ тех лет, к слову, регулярно издававшихся, чтобы убедиться в этом. Экономико-географические описания районов практически никак не были связаны с описаниями историко-географическими, выносившимися в самостоятельные разделы работ, как правило, их открывавшие (см., например: [4; 7]).

гося положения, стал оперативный отклик на появившуюся в «Правде» статью председателя Президиума СО АН СССР академика М.А. Лаврентьева «Новый научный центр в СССР», в которой тот назвал назревшей задачей организации в рамках СО АН СССР институтов общественно-политического профиля. Ученый публикует в Восточно-Сибирской правде статью, в которой предлагает Иркутск в качестве города, где может быть сформирован институт истории Сибири [26]. Последний в качестве организующего начала призван был, по мысли автора, преодолеть мелкотемье и хронологическую ограниченность современных исторических работ, разобщенность исследователей и, как результат, способствовать появлению сводных исследований по каждому из направлений работы: истории народов Сибири, истории общественной мысли и революционного движения и, конечно же, по истории экономики региона.

Важнейшей предпосылкой успеха данного научно-организационного начинания именно в Иркутске ученый полагал отнюдь не наличие исторических кафедр в местных высших учебных заведениях, а возможность координации деятельности будущего института с «организуемым здесь институтом географии». Это не оставляло сомнений в том, какому из упомянутых направлений его деятельности должен быть отдан приоритет, по какому пути должна развиваться историческая наука, находящаяся в плену историко-партийной и историко-революционной тематики, будучи «оплодотворена» географией. Было это и своеобразной «подсказкой» научным чиновникам не упустить шанс и создать «рядом» и одновременно с географическим институтом еще и исторический, тем более что его организация «не будет связана с крупными затратами, так как не потребуются создания ни дорогостоящих лабораторий, но строительства экспериментальных баз».

Завершалась статья не ожидаемым упоминанием сложившейся в городе школы историков или перечислением имен последних, а скромным указанием на наличие в Иркутске «научных работников, занимающихся прошлым Сибири» [26]. Вслед за которым значилась фамилия одного из них — автора статьи, посчитавшего целесообразным предстать перед читателями, которым она и была адресована, не профессором местного финансово-экономического института, а старшим научным сотрудником отдела экономики и географии Восточно-Сибирского филиала АН СССР — единственной тогда в городе научной академической институции, занимавшейся исследованиями в области общественных наук.

В том, что Шерстобоев — доктор экономических наук — в поисках возможностей для продолжения своих занятий экономической историей искал прибежища не у экономики, а у истории, нет ничего удивительного. Экономическая наука вынесла историко-экономические исследования на далекую периферию своих интересов, если не вовсе выдворила за их пределы, полагая прямым делом историков. На повестку дня в

ней выдвинулась проблема «развития производственных отношений в период развернутого строительства коммунизма», конкретные вопросы которой должны были исследоваться «путем обобщения практического опыта работы предприятий, совхозов и колхозов и учреждений Сибири и Дальнего Востока». Именно так формулировалась она в перспективном (до 1975 г.) плане развития общественных наук СО АН СССР [12, с. 58], не суля никаких перспектив для историко-экономических изучений в рамках академических экономических учреждений.

Спустя два года В.Н. Шерстобоев счел целесообразным вернуться к идее создания института истории и использовать для ее продвижения трибуну научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, рассматривая последнюю в качестве наиболее подходящего для этой цели, «сильного просветителя». В отложившихся в личном архивном фонде ученого «заметках для выступления», озаглавленных «Об институте истории», он по-прежнему настаивает на приоритете историко-экономической проблематики в деятельности будущего института, поскольку не только «общая история страны и ее отдельных зон пронизана экономикой», но и очевиден «сдвиг экономики на Восток». И хотя объектами исследования института должны были, помимо истории русского хозяйства, стать также история народов Сибири и история революционного движения, тюрьмы и ссылки, его структура предусматривала отделы, выделяемые согласно общеэкономической периодизации [3, л. 7], в силу чего быть «пронизанными» экономикой надлежало и им.

Сибирь уже триста лет как превратилась в экономическое пространство и перемещение сюда центра экономического развития страны должно сопровождаться историческими разысканиями, призванными выявить особенности и закономерности становления и развития экономики региона, его отдельных районов. Знание закономерностей, ставших результатом предшествующих столетий хозяйственного освоения региона, приспособивавшегося к природным и географическим условиям и одновременно менявшего их, должно послужить залогом научно обоснованных хозяйственных преобразований в настоящем и будущем.

Заметки Шерстобоева, сделанные, по-видимому, накануне выступления на конференции в Иркутске, обретают особый смысл, если учесть, что пленарное ее заседание, состоявшееся в Новосибирске пятью днями ранее, уже приняло решение об организации именно в этом городе, а отнюдь не в Иркутске, «комплексного научно-исследовательского института общественных наук»¹. Причем сделало это, одобрив

---

¹ Институт истории, филологии и философии СО АН СССР возникнет лишь в 1966 г. на базе отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства, а также кафедр философии и иностранных языков СО АН СССР [8]. Планировавшееся на вторую семилетку создание еще одного Комплексного научно-исследовательского института общественных наук в Иркутске осуществлено не было.

подготовительную работу, проведенную Постоянной комиссией по общественным наукам СО АН СССР, членом которой, по иронии судьбы, являлся В.Н. Шерстобоев. Иркутской конференции суждено было лишь «одобрить и поддержать» уже принятые решения [6, с. 204, 209]. Семена, брошенные в землю, дали всходы, не принеся, однако, посеявшему их ученому никаких плодов.

Заявленную В.Н. Шерстобоевым тему выступления на конференции и содержание сделанного доклада следует, тем не менее, рассматривать в неразрывной связи как с предшествующими занятиями экономическим районированием, так и с продвигавшейся ученым идеей создания в Иркутске института сибирской истории. Продвигавшейся не просто с надеждой на продолжение своих научных занятий в этой институции, но и с очевидной претензией на лидерство в ней. Любопытно, однако, что организаторы конференции — историки, не догадываясь о программном характере доклада, решили конкретизировать и «историзировать» его тему для печатаемой программы, поместив проблему исторического районирования, поставленную ученым, в узкие хронологические рамки XVI–XVII вв. [14, с. 9]. Привыкшие соблюдать субординацию, они сочли доклад провинциального ученого, да еще и не историка, посвященным разработке частного вопроса сибирской истории, тогда как автор замахнулся на постановку вопросов общих и принципиальных. Отличаясь этим как от лидеров научных направлений тех лет, подводивших итоги их разработки и строивших планы исследований на будущее, так и от «рядовых» науки, знакомивших коллег по цеху с результатами текущих своих исследований.

Небольшой по объему опубликованный текст тезисов доклада В.Н. Шерстобоева «О историческом районировании Сибири» [16], а также сохранившиеся наброски его плана, конкретизирующие некоторые из них, не позволяют ограничить роль и значение доклада проблематикой исторической географии определенного периода сибирской истории. Для ученого районирование представляло собой метод экономико-географической науки, который способен оказать столь же действенную, в плане повышения степени ее научности, помощь науке исторической, как и исторический метод — экономико-географической. С его помощью он попытался расчленить экономическое пространство Сибири, точно также как с помощью исторической периодизации — расчленить время, разместив в нем экономические реальности в соответствии с их продолжительностью. Или, говоря иначе, попытался выработать систему координат историко-экономического изучения Сибири, в которой свое место займут уже выполненные и будут размещены региональные исследования, которые еще только предстоит осуществить, словно пазлы, заполняя полученными результатами пространство данной проблемной области.

На ожидаемый научно-организационный эффект от использования такой схемы обратим особое внимание: подобно тому, как в предшествующих работах ученого экономическому и природному районированию надлежало лечь в основание перспективных планов развития аграрной отрасли экономики, историческому районированию предстояло стать «обоснованным зонированием» для построения планов научных исследований по истории Сибири, способом «систематизации локальных исследований». Совершенно очевидно, что В.Н. Шерстобоев пытался не только применить аналитические возможности метода районирования для целей исследования прошлого сибирской экономики, но и, опираясь на собственный опыт, использовать его в качестве инструмента организации научно-исследовательских работ по истории Сибири.

В этом можно усмотреть, в том числе, и стремление противостоять тому направлению, которое приняла деятельность созданной в 1959 г. Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР, членом которой, напомним, он являлся. Функционировавшая на общественных началах, она призвана была вплоть до создания института соответствующего профиля осуществлять координацию научной работы не только академических, но и вузовских коллективов, с благой, на первый взгляд, целью предотвращения параллелизма в работе, мелкотемья последней и слабой связи с современностью. В области исторической науки, однако, не преодолевая, а обостряя извечную «болезнь» последней — следовать в определении географических рамок исследований за распределением архивных материалов, т.е. административно-территориальным делением, увязывая с периодом существования тех или иных единиц последнего и хронологические их рамки, не предпринимая даже робких попыток проследить преемственность исторических процессов на одной территории, если ее административные границы претерпевали изменения.

Ориентированная на наиболее массовые исторические работы тех лет — историко-партийные, установка на то, что «научно исследовать историю ... можно лишь в соответствии с существовавшим ранее и существующим в настоящее время административным делением» [12, с. 55], будучи применена к работам по экономической истории, она грозила катастрофическими последствиями не только для их организации и «систематизации», но и их содержания. Тем самым, делая недостижимым решение задачи выявления закономерностей становления и развития экономики региона и, как следствие, столь желаемого установления связи с современностью.

В.Н. Шерстобоев полагал Сибирь «самым сложным понятием в природном, историческом, геофизическом и экономическом отношении» [3, л. 1об], т.е. понятием, не позволяющим историку достаточно ясно представить природную обстановку и хозяйственную организацию в определенной исторической эпоху, без «пространственной локализации ис-

торического процесса» (В.К. Яцунский), или районирования. В силу чего, создание обобщающих работ по истории Сибири невозможно в принципе без выработки общепринятой схемы исторического районирования, являющейся первоосновой всех претендующих на научность исторических реконструкций экономики региона. И хотя создание подобной схемы — дело целых научных коллективов (более чем прозрачный намек на одну из первых и основных работ нового института), ученый рискнул предложить вниманию исторического сообщества не одни лишь, как он скромно охарактеризовал их, «предварительные соображения», но полноценную, насколько позволял формат научной конференции, ее версию.

Считая нецелесообразным пересказывать на страницах данной статьи «соображения» В.Н. Шерстобоева, касающиеся как пространственных, так и временных координат историко-экономического изучения Сибири (с ними читатель может самостоятельно познакомиться, прочитав перепечатываемые на страницах ежегодника тезисы его доклада), ограничимся лишь самыми необходимыми к ним комментариями.

Несмотря на упоминание имен предшественников в деле исторического районирования Сибири, В.Н. Шерстобоев фактически первым поставил задачу общеэкономического, а не только земледельческого, районирования. Зонирования, актуального для целей «систематизации наших знаний о пространственном размещении народного хозяйства на этой территории в течение последних веков и для связывания с перспективами его развития» [16, с. 39]. В силу чего, его внимание в равной мере направлено как на границы районов сибирского земледелия в XVII–XIX вв.¹, так и на «территориальное размещение хозяйств местных народов дорусской Сибири», и на развитие промышленности как важнейший районообразующий фактор в Сибири XX в.

Отталкиваясь от идеи ускоряющегося со временем развития экономики Сибири, изменений, происходящих в ее структуре и ведущих к радикальной перестройке исторически сложившихся экономических районов и возникновению новых, В.Н. Шерстобоев полагал экономическое районирование действенным средством «наибольшего сближения [прошлого] с современным и перспективным размещением производительных сил СССР». Желая акцентировать внимание на этом слушателей, он ведет речь о «динамическом районировании», внося в авторский экземпляр тезисов новый, написанный от руки, дополнительный пункт тому посвященный [3, л. 42–42об]. В качестве примера, убедительно говорящего в пользу привлечения аналитических возможностей динамического экономического районирования для этих целей, ученый ссыла-

---

¹ Здесь В.Н. Шерстобоев попутно восстановил в правах Ангаро-Илимо-Ленский земледельческий район, который в исследованиях В.И. Шункова исчез как историко-географическое образование, став восточным придатком Енисейского земледельческого района (подробнее об этом см.: [9]).

ется на факт сооружения Усть-Илимской ГЭС, который стал очевидным свидетельством «левацкого», т.е. игнорирующего природные, географические условия, подхода отечественной науки, будь экономико-географической, исторической или технической¹.

Общезкономической стала и предложенная В.Н. Шерстобоевым периодизация истории Сибири. Поскольку в текст тезисов доклада она вошла лишь малой своей частью, автор решил сделать акцент на временной координате историко-экономического изучения Сибири в своем устном сообщении — схема заняла внушительную часть составленного в его преддверии плана. В истории региона Шерстобоев выделил четыре периода: 1) «дорусский», для которого характерны две основные формы хозяйства — натуральное и феодальное; 2) «государственный феодализм» XVII в., представленный хозяйством пашенных крестьян и ясачным обложением инородцев; 3) капитализм: на начальном этапе (XVIII в.) примитивный, зародившийся в недрах сибирского крестьянства; в XIX в. — промышленно-торговый, основанный на предпринимательстве, хлеботор-говле и ростовщичестве; после 1861 г. претерпевший серьезные изменения, вследствие проникновения в Сибирь иностранного капитала, банков и т.д.; 4) социализм, до 1930 г. в виде лишь предпосылок — утверждения Советской власти и ликвидации кулачества, в 1930–1950 гг. характеризующийся крупным строительством, а начиная с 1950 г. — переносом в Сибирь центра промышленного строительства страны [3, л. 3].

В предложенной ученым периодизации не трудно заметить и понятие, широко использованное им для нужд исторических обобщений в процессе работы над первым томом «Илимской пашней» («государственный феодализм»), и категорию «примитивный капитализм», лишь вскользь упомянутую в заключении второго тома. В своем докладе В.Н. Шерстобоев остановился, главным образом, на последней, упоминание о которой «исчезло» из тезисов его доклада, но которая заняла важное место не только в его схеме, но и в научных занятиях тех лет². Отражая картину

---

¹ За месяц до начала конференции на страницах газеты «Известия» появилось подписанное группой иркутских ученых, среди которых был и В.Н. Шерстобоев, открытое письмо, название которого говорило само за себя — «Нужно ли затоплять Илимскую долину?». Выдержка из письма, авторство которой не вызывает сомнений, может служить хорошим примером критики такого подхода: «Строительство гидростанции ниже устья Илима приведет почти к полной ликвидации сельского хозяйства Нижне-Илимского района, так как при этом будет затоплено свыше 90 процентов его земельной площади... Перенос земледелия на повышенные отметки совсем не простое дело. Он сопряжен с опасностью гибели урожая от заморозков, не говоря уже о том, что освоение таежных земель для сельского хозяйства является сложным, дорогим и малоэффективным делом. Между тем земледелие в Илимской долине (около 20 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий) можно сохранить полностью, если створ Усть-Илимской ГЭС будет находиться выше устья Илима» [13].

² Уже в апреле того же года Шерстобоев выступил с докладом «Ленин о примитивном капитализме» на конференции в Иркутском финансово-экономическом институте.

экономической реальности илимской деревни XVIII в., реконструированную ученым, категория «примитивного капитализма» несла прогрессивную для тех лет идею множественности форм капитализма и неуловимости перехода к нему. Идею, позволявшую, подобно «государственному феодализму», учесть специфику форм хозяйственной организации в Сибири, и если не преодолеть, то смягчить негативные последствия для исторической науки от господства в ней формационного подхода, не выходя при этом за рамки марксистской научной парадигмы.

Докладу В.Н. Шерстобоева, хотя и замыкавшему алфавитный список докладов и сообщений подсекции истории Сибири и Дальнего Востока досоветского периода конференции, довелось не только открыть заседание, но и вызвать наиболее оживленную «дискуссию» в его конце. Перечень участников, принявших в ней участие, едва ли не совпадал со списком присутствовавших на заседании (притом, что остальные доклады прошли практически незамеченными, будучи «недоступными», в силу их фактографического характера, для критики). Слова обзора конференции, опубликованного на страницах журнала «История СССР», резюмирующие сказанное ими: «доклад В.Н. Шерстобоева представляет большой научный интерес, но имеет ряд спорных моментов. Было высказано несколько критических замечаний, с частью которых докладчик согласился» [6, с. 209], позволяют заподозрить не просто критическое, но граничащее с неприятием, отношение историков к построениям экономиста, покусившегося на «святая святых» советской исторической науки — идеологически и «технически» заданную систему координат их исследований, пределы которой они отнюдь не стремились покинуть. Соавтор обзора докладов конференции, ответственный за прозвучавшую в Иркутске их часть, даже не рискнул упомянуть о «временной координате» схемы, ограничившись фразой о выделенных ученым экономических районах и зонах края.

Ничем иным, как прозвучавшей в ходе конференции критикой, нельзя объяснить факт отсутствия в увидевшем свет год спустя сборнике материалов секции истории досоветского периода, археологии и этнографии конференции [2] статьи В.Н. Шерстобоева. Вот только последствия этой критики стали совершенно иными, нежели у прозвучавшей, например, в адрес доклада З.Я. Бояршиновой (чьей статьи также нет в книге), попытавшейся в нем отодвинуть начало присоединения Сибири к Русскому государству на конец XV в. Досадное «недоразумение» это, не «колебавшее основ» сибирской историографии, было забыто еще до окончания конференции и не помешало назначению томского историка руководителем творческой группы по истории народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока в период феодализма и капитализма (а затем и коллектива по написанию соответствующих разделов «Истории Сибири»). Платой за приверженность идее поставить дело изучения

истории Сибири на научный фундамент, выработав систему координат, способную служить ориентиром для исследователей и средством сведения воедино разрозненных их усилий, стал отказ В.Н. Шерстобоева от дальнейших занятий экономической историей Сибири. Конференции 1960-го года в полном смысле слова суждено было стать «точкой невозврата» ученого к историко-экономической проблематике.

Уже через год он остановит свой выбор на Ставропольском сельскохозяйственном институте как месте будущей работы, где занятия экономической историей Сибири были невозможны по определению. Написанные в течение двух лет, вплоть до отъезда из Иркутска, статьи стали всего лишь обретенными завершённую форму сюжетами его «Илимской пашни» [19; 21]. (Об отношении ученого к этим работам красноречиво говорит факт передачи им рукописей этих статей в Государственный архив Иркутской области (вместе с другими материалами личного архива) еще в период работы с ними редакторов изданий, где предполагалась их публикация). Только переработкой уже написанного могло стать его участие, если бы таковое состоялось, в пятитомной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней». Во что, впрочем, верится с трудом, памятуя о стремлении В.Н. Шерстобоева к научному познанию истории и категорическом неприятии им подходов, использованных при ее написании.

Список использованной литературы и источников

1. Борщев И. К. Экономика сельскохозяйственного производства колхозов Тулуно-Балаганской зоны Иркутской области / И. К. Борщев; под ред. В.Н. Шерстобоева. — Тулун : Тип. газ. «Знамя Ленина», 1958. — 155 с.
2. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : труды Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока : материалы пленарного заседания и секции истории досоветского периода, археологии и этнографии (март 1960 г.); отв. ред. В. И. Дулов. — Новосибирск : Изд-во АН СССР, 1961. — 402 с.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. р-2683 (В.Н. Шерстобоев). Оп. 1. Д. 170 (Материалы научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока).
4. Григорьева А. А. Иркутская область (экономико-географическая характеристика) / А. А. Григорьева, В. П. Шоцкий, В. В. Воробьев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1962. — 250 с.
5. Комаревская В. П. Развитие и специализация сельского хозяйства Ангаро-Илимской подзоны Иркутской области / В. П. Комаревская; под ред. В. Н. Шерстобоева. — Чита, 1958. — 164 с.
6. Комогорцев И. И. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока / И. И. Комогорцев, В. С. Синяев, В. С. Флеров // История СССР. — 1960. — № 4. — С. 204–209.
7. Кротов В. А. Иркутская область. Краткий экономико-географический обзор / В. А. Кротов: изд. 2-е, доп. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1960. — 46 с.
8. Куперштох Н. А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири: к 40-летию основания института Истории, филологии и философии

СО АН СССР / Н. А. Куперштох // Гуманитарные науки в Сибири. — 2006. — № 2. — С. 55–59.

9. Майдачевский Д. Я. Еще одна история с географией, или О том, как «исчезла» илимская пашня / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 4–17.

10. Маркова Л. А. Новые формы историко-научных исследований и их перспективы / Л. А. Маркова // Принципы историографии естествознания. Теория и история / отв. ред. А. П. Огурцов, И. С. Тимофеев, В. С. Черняк. — М. : Наука, 1993. — С. 342–357.

11. Маркова Л. А. Социальные аспекты истории науки / Л. А. Маркова // Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. — М., 1996. — С. 362–426.

12. Матвеенков И. И. О перспективном плане развития общественных наук в Сибирском отделении АН СССР на 1960–1975 гг. / И. И. Матвеенков // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : труды Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока : материалы пленарного заседания и секции истории досоветского периода, археологии и этнографии (март 1960 г.); отв. ред. В. И. Дулов. — Новосибирск : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 53–60.

13. Одинцов М. Нужно ли затоплять Илимскую долину? / М. Одинцов, В. Скалон, Н. Флоренсов, В. Шерстобоев, В. Шоцкий, Г. Вызго // Известия. — 1960. — 17 февр.

14. Программа Научной конференции по истории Сибири и Дальнего востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и дальнего Востока дооктябрьского периода (март, 1960). — Новосибирск, 1960.

15. Федорова А. Продовольственная база промышленных комплексов Предбайкалья / А. Федорова, В. Н. Шерстобоев // Сел. хоз-во Сибири. — 1958. — № 12. — С. 13–14.

16. Шерстобоев В. Н. О историческом районировании Сибири В. Н. Шерстобоев // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода : тез. докл. — Иркутск, 1960. — С. 39–43.

17. Шерстобоев В. Н. О развитии сельского хозяйства в Ангаро-Илимском крае / В. Н. Шерстобоев // Сел. хоз-во Сибири. — 1957. — № 6. — С. 15–18.

18. Шерстобоев В. Н. О сельскохозяйственном районировании Иркутской области / В. Н. Шерстобоев, В. П. Шоцкий, А. А. Смирнов // Вост.-Сиб. правда. — 1956. — 11 янв.

19. Шерстобоев В. Н. Обслуживание Второй Камчатской экспедиции крестьянами Ленско-Илимского края / В. Н. Шерстобоев // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. — Новосибирск : Наука, 1965. — С. 298–303.

20. Шерстобоев В. Н. Основы специализации и районирования сельского хозяйства Иркутской области / В. Н. Шерстобоев, В. П. Шоцкий, А. А. Смирнов, И. П. Гуничев. — М. : Изд-во М-ва сел. хоз-ва, 1958. — 7 с.

21. Шерстобоев В. Н. Первые японцы в Илимске и Иркутске / В. Н. Шерстобоев // Ангара. — 1963. — № 3. — С. 112–115.

22. Шерстобоев В. Н. По Ангаро-Ленскому водоразделу / В. Н. Шерстобоев // Вост.-Сиб. правда. — 1957. — 3 янв.

23. Шерстобоев В. Н. Проблемы развития сельского хозяйства Ангаро-Илимского края в связи с гидростроительством / В. Н. Шерстобоев // Труды

Второго зонального совещания экономистов и организаторов сельского хозяйства Сибири / Сиб. фил. Всесоюз. НИИ экономики сел. хоз-ва. — Новосибирск, 1958. — С. 33–37.

24. Шерстобоев В. Н. Сельское хозяйство Ангаро-Илимо-Ленского края / В. Н. Шерстобоев // Учен. зап. ИФЭИ. — Иркутск, 1957. — Вып. 4. — С. 3–9.

25. Шерстобоев В. Н. Сельскохозяйственные районы Иркутской области / В. Н. Шерстобоев, В. П. Шоцкий. — Иркутск, 1958. — 76 с.

26. Шерстобоев В. Организовать в Иркутске сибирский институт истории Академии наук СССР / В. Шерстобоев // Вост.-Сиб. правда. — 1958. — 4 февр.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, докторант, кафедра истории экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — PhD in Economics, Candidate for Doctorate Degree, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.

В.Н. ШЕРСТОБОВЕВ

Иркутский финансово-экономический институт

О ИСТОРИЧЕСКОМ РАЙОНИРОВАНИИ СИБИРИ*

Переиздание тезисов доклада Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963) на Научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в марте 1960 г.

V.N. SHERSTOBOEV

Irkutsk financial and economic institute

ABOUT HISTORICAL ZONING OF SIBERIA

Reprinting of Vadim Sherstoboev's theses of the report at scientific conference on history of Siberia and the Far East, taken place in March, 1960.

1. Научно-обоснованное районирование Сибири с исторической точки зрения необходимо для систематизации наших знаний о простран-

---

* Публикуется по: Шерстобоев В. Н. О историческом районировании Сибири / В. Н. Шерстобоев // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: тез. докл. — Иркутск, 1960. — С. 39–43.